



## **Севостьянов Алексей Григорьевич**

### **Никого в живых не осталось**

Родился я 10 марта 1910 года в городе Клинцы Брянской области в семье рабочего. Потомственный текстильщик (в четвертом поколении). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор.

Первый раз я был призван на действительную службу из запаса в первых числах сентября 1939 года. Пропаганда называла это «походом за освобождение братьев-славян». Речь шла о присоединении к СССР территорий западной Белоруссии и западной Украины. Эти земли и население с 1918 года были в составе Белорусской и Украинской республик. А затем были захвачены Польшей и входили в нее после советско-польской войны 1920 года.

Но на фронт я не попал. В тот момент я был уже кандидатом наук и доцентом. Поэтому призывавший меня военком направил меня в Смоленск, в школу по подготовке младшего командирского состава. После сталинских «чисток» этой категории офицерского состава в армии остро не хватало. Уцелевших офицеров повышали, а нехватку лейтенантов и младших лейтенантов должны были в ускоренном темпе восполнить срочно созданные школы вроде той, куда попал и я с двумя-тремя товарищами из нашего института. Военная кампания быстро закончилась, приказ о нашей демобилизации уже пришел, но начальник школы нас все не отпускал. Так мы

ему понравились, и заменить нас ему было непросто. В конце концов, к празднику 7 ноября мы просто уехали домой, в Москву, безо всяких последствий.

На финскую войну я, Бог миловал, к счастью, не попал. О громадных, несоразмерных потерях в открытую говорить побаивались, но слухи о них были широко распространены.

Второй раз меня призвали в марте 1941 года. Уже все призываемые и военкомы знали, что это призыв на войну с Германией. В отличие от первого, в 1939 году, этот призыв проходил жестко и с полным охватом. Со мной в коридоре сидели на медкомиссию и оформление все с фамилиями на букву «С». В кабинете военкома за его спиной стояли ящики с картотекой по алфавиту. Похоже, что повестки рассылались всем поголовно из каждого ящика. Помню аспиранта Тимирязевской академии, который слезно умолял отпустить его на месяц. Ему нужно было дождаться первого всхода полученного им нового сорта пшеницы, на выведение которого он потратил три года. Замечу, что аспиранты и научные работники в то время были редкой и ценной для страны профессией. Он клялся, что через месяц сам придет в военкомат. Но военком был непреклонен. Кто в этой ситуации был прав, не мне судить.

Я попал в 1-ю Московскую Пролетарскую мотострелковую дивизию. Это была парадная дивизия, участвовавшая во всех парадах на Красной площади. Я тоже участвовал в таком параде 1 мая 1941 года. Батальонные квадраты шли в пешем строю с винтовками и примкнутыми штыками наперевес. Командовал дивизией в то время полковник Яков Крейзер. Это был хороший командир. Он получил звание Героя Советского Союза в 1941 году, что говорит о его незаурядных командирских способностях. В дивизии его любили. Располагалась дивизия в казармах на Даниловской площади, между Люсиновской улицей и Большой Серпуховской. Они и сейчас существуют, эти казармы. После парада дивизию перевели в летние лагеря на юг Московской области. Оттуда в ночь на 26 или 27 июня, поднятых по тревоге, нас отправили на фронт. По легенде, ходившей в тот момент в дивизии, Крейзера вызвал сам Сталин и приказал выдвинуться в район Борисова, оседлать Минское шоссе по несколько километров на север и на юг и не

пропускать немцев на восток. Скорее всего, так звучал приказ, полученный Крейзером.

Поскольку дивизия была парадная, она была полностью укомплектована и имела новейшее по тем временам оружие. Офицеры были вооружены автоматами, все части и подразделения были полностью укомплектованы личным составом. Рядовые вооружены винтовками – трехлинейками Мосина образца 1899/30 года. Имелись все вспомогательные подразделения: связи, снабжения. Самое главное, в состав дивизии входил отдельный танковый полк из легких танков БТ и в его составе – батальон (или рота?) из тяжелых танков КВ. Вот пока эти танки КВ были живы, мы и могли держать оборону, потому что танки БТ с противопульной броней легко подбивались артиллерией и танками немцев и легко загорались от попаданий. Танки КВ были практически неприступны. Немцам приходилось вызывать авиацию, чтобы их разбомбить.

Эшелон нас доставили на железнодорожный узел под Борисов. Выгружали ночью. В эти дни моя жена получила первое известие о моей гибели. Я был женат, и дочке было уже 6 лет. Мы жили в общежитии МТИ (Московский текстильный институт) на 2-м Донском переулке, в одной комнате четвером с тещей. Она присматривала за дочкой и домашним хозяйством, пока мы с женой были на работе: я – в МТИ, она – инженером во ВНИИЛтекмаше (Всесоюзный научно-исследовательский институт текстильного и легкого машиностроения). В ночь, когда разгружали эшелон, налетела немецкая авиация и разбомбила его. Один из моих товарищей по работе в МТИ, также служивший в дивизии, но в другой части, получил при этом тяжелое ранение и был отправлен в Москву. Там он и рассказал моей жене, что их часть эшелона, головная, была сильно разбита, и многих убило и ранило. А в хвостовой части, где был Алексей, т.е. я, и вовсе все вагоны сгорели, и никого в живых не осталось. Он не знал, что нас высадили до узловой станции, и вагоны к моменту бомбежки были пустые. Таких сообщений о моей гибели или пропаже без вести жена получила за войну два или три. Могу представить, сколько ей потребовалось мужества и жизненных сил перенести все это с маленькой дочкой и престарелой матерью на руках. В этом случае, к счастью, она довольно

скоро получила от меня письмо и поняла, что произошла ошибка.

В то время многих товарищей по работе убило на войне. Многие из них, старшие по возрасту, не были призваны, как я, военкоматом, а пошли в ополчение. Они были плохо вооружены и неподходящим образом обмундированы. Кроме того, они были практически необучены, да и попадали эти ополченцы зачастую в сложные ситуации. Поэтому многие из них не вернулись после войны. Бывали и другие случаи. Работник института был призван на службу в стрелковую часть. На фронте, находясь при штабе, узнал, что нужны работники в финансовое управление фронта. А у него было высшее экономическое образование. Хотя он ни дня не работал с финансами и бухгалтерией, рассудил, что как-нибудь разберется. Так всю войну и провоевал в бухгалтерии одного из фронтов, но в составе действующей армии, заслуженно получая награды за образцовое выполнение приказов командования. Подобных историй – пруд пруди. Недаром есть пословица «Кому – война, а кому – мать родная».

У меня был друг – Саша Чернышев. Мы учились вместе в институте, жили в одной комнате общежития, играли вместе в футбол за институт. Саша был практически глухой после болезни, перенесенной в детстве. Мог бы и уклониться от призыва. Но он пошел. Мы с ним попали служить в одну часть. Его убило немецкой миной в первые же дни на передовой. Он не услышал, когда немцы начали обстрел из минометов наших траншей, и высунулся из окопа. Привыкнуть к войне было не просто. Например, немцы ради экономии боеприпасов вместо бомб сбрасывали с самолетов пустые железные бочки из-под бензина с пробитыми в них дырками. При падении бочки жутко свистели и выли. Вдобавок – рев бомбардировщиков, пикирующих на наши окопы. Люди сходили с ума, выскакивали из окопов, чтобы убежать от этого ужаса, и их убивали осколки падающих мин.

В середине июля к нам на пополнение прислали подразделение, сформированное из московских милиционеров. Вооружены они были пистолетами. Им сказали, что оружие они получают на фронте. Перед отправкой на фронт их начальство расщедрилось и не пожалело выдать

им новенькую парадную форму из отличного сукна. Только вот цвета это обмундирование было синего. Его хорошо было видно на фоне летней листвы. Думаю, это – одна из причин, почему этих людей много погибло в первые же дни. Вдобавок в июльскую жару в суконной форме было тяжело. К счастью, командир полка приказал заменить им их парадную форму на х/б цвета хаки. Но убитых не вернешь. Еще про обмундирование. Офицерам Красной Армии в зимнее время года полагались отличные овчинные полушубки с меховыми воротниками, очень теплые. Их можно увидеть во многих фильмах про войну. Немецкие снайперы хорошо это знали и в первую очередь отстреливали людей в полушубках. Поэтому офицеры, прибывая на фронт, старались как можно быстрее избавиться от этих полушубков и заменить их на обычные серые шинели. Вместо положенных им в качестве оружия пистолетов вооружались автоматами по мере возможности и их появления на фронте.

В первой половине июля 1943 года в часть пришел приказ из Москвы: всех мобилизованных научных работников, в том числе преподавателей вузов и мастеров протезного дела срочно демобилизовать и вернуть к месту работы. Видно, военкомы постарались и забрали всех. И вдруг выяснилось, что надо кому-то управлять производством в тылу, а к тому же, стали поступать раненые, которые если не воевать, то работать в тылу вполне могут, были бы протезы. Насколько мне известно, единственный протезный институт и завод был в Москве, прямо напротив нашего общежития во 2-м Донском переулке. Ясно, делать протезы – профессия специфическая, за неделю не обучишь. Только вот по приказу вернуть было зачастую уже некого. Впрочем, практически все наши институтские кандидаты наук по этому приказу вернулись и работали в течение войны или в институте, или на текстильных предприятиях. Мне об этом приказе сказали в штабе полка. Я обратился к командиру полка, но тому нужен был человек для связи, в качестве которого я в тот момент был при нем, и он сделал вид, что ничего о приказе не знает. Потом пошли такие тяжелые бои в окружении или полуокружении, что о возвращении не могло быть и речи.

В начале июля я участвовал в работе КПП (Контрольно-пропускной пункт) в оцеплении на шоссе Минск-Москва.

Когда в 60-е годы вышла первая серия фильма по книге К. Симонова «Живые и мертвые», то эпизод на шоссе в этом фильме напомнил мне, как я был в подобной ситуации. Шел поток людей: беженцев, отставших военных, которых надо было проверить, рассортировать и направить на соответствующие пункты сбора. В фильме ситуация тех дней изображена весьма достоверно. На всю жизнь запомнил женщину, которая шла с маленьким ребенком на руках. Она шла из-под Шауляя. Она была женой офицера воинской части, расквартированной в военном городке под Шауляем и жила там вместе с другими офицерскими женами. На рассвете 22 июня мужа вместе со всей частью подняли по тревоге и отправили к границе. О подходе немцев еще не было и слышно. Но утром прибежала знакомая литовка и сказала, что если они все, т.е. офицерские жены с детьми, немедленно не уедут, то их всех к ночи вырежут. Похватав, что можно было поднять, и погрузившись в полуторку, женщины с детьми выехали на восток, в сторону Орши или Витебска. Пока был бензин, они ехали на машине. Потом бросили ее и пошли пешком.

Все лето и осень 1941 года прошли как в калейдоскопе множества событий, эпизодов, боев, переходов, теперь уже трудно отличимых, лишь некоторые вдруг всплывают в памяти.

Другая часть воспоминаний связана с окончанием войны, с 1945 годом. Осенью 1944 года было сформировано около двадцати специальных частей. Это были отдельные части, предназначенные для штурмовых действий в городах Европы, превращенных немцами в крепости. Численность этих частей намного превосходила численность обычного стрелкового батальона и составляла от тысячи до нескольких тысяч человек. Они были предназначены для уничтожения живой силы противника в городских кварталах городов, которые нельзя было подвергать массированному уничтожению артиллерией или авиацией. Соответственно, заведомо предполагались большие потери в личном составе батальонов. Кроме того, возможно, таким образом пытались ввести в заблуждение разведку противника. Половина этих частей, насколько мне известно, была направлена в конце 1944 года на Варшаву или, возможно, Кенигсберг или Бреслау.

Другая часть, в которую попал и я, была направлена на штурм Будапешта. Как известно, столица Венгрии, верной союзницы Германии, была превращена в мощнейший оборонительный центр. Гитлер рассчитывал прикрыть им путь на Вену и в Южную Германию.

По дороге в Венгрию наш эшелон проходил через только недавно очищенную от немцев Румынию. Ее король Михай перешел в наши союзники, за что получил высший военный орден СССР – орден Победы. Когда эшелон проходил через Плоешти, мы видели горящие нефтепромыслы. Черный дым от горящей нефти закрывал полнеба. В районе Плоешти находились единственные на оккупированной немцами территории залежи нефти. На бензине из этой нефти работали немецкие самолеты, танки, автомобили. Потеряв Румынию и Плоешти, немцы потеряли важнейший стратегический резерв. Как нам объяснили местные жители, нефтепромыслы разбомбили американские бомбардировщики уже после ухода немцев, перед самым приходом советских войск. Так это или не так, пусть разбираются историки. Во всяком случае, нам уничтожение промыслов было совершенно невыгодно. В то же время уже было известно, что Румыния и фактически будет занята нашими войсками, да и после войны, скорее всего, окажется в зоне влияния СССР.

Бои внутри Будапешта распались на много локальных поединков в пределах квартала или дома. Дома в центральной части города были многоэтажные, из кирпича, облицованные камнем. Улицы узкие, со сложным рисунком пересечений. Хороших карт или планов города не было. Связь между подразделениями была по телефону или посыльными. Использовать легкую артиллерию было обычно трудно, так как ее снаряды не могли пробить стены домов, в которых забаррикадировались немцы. Стрельба прямой наводкой подставляла артиллеристов под огонь немецких снайперов. Тяжелую артиллерию затащить в городские кварталы было практически невозможно, а танки в узких извивающихся улицах становились легкой добычей немецких фаустников. Поэтому единственным способом оставался штурм каждого дома пехотой. Наше командование отдало строжайший приказ не трогать мирное население. В первые дни штурма немцы использовали такую тактику. Зная об этом приказе, они, когда

видели, что их дом окружен, и уйти нельзя, переодевались в гражданскую одежду, которой в квартирах было полно, убрали автоматы и гранаты в чемоданы, и под видом местных жителей переходили в соседние дома. В конце концов, командование через громкоговорители и листовки известило местных жителей, чтобы до конца боевых действий они перешли в убежища и не покидали их. Все подозрительные лица на улице могли быть уничтожены. Немцев приходилось выбивать чуть ли не из каждой квартиры. Помню перестрелку в большом помещении на одном из средних этажей. Скорее всего, это была фармакологическая лаборатория или учебная химическая лаборатория, потому что в ней было много стеллажей с пробирками, колбами и банками. Там наши солдаты получили много ранений лица, глаз, рук не столько от пуль, сколько от разлетающихся во все стороны стеклянных осколков. Случай в бою – большое дело. Выбив немцев из одной квартиры, мы должны были перейти в квартиру напротив, через лестничную клетку. Бросив гранату, выбили дверь. Я первый проскочил в квартиру, а мой товарищ, не успел. Когда он перебежал, немец с лестничной клетки верхнего этажа бросил гранату, и его смертельно ранило. Особенно ожесточенное сопротивление оказывали власовцы, которых немцы оставили в городе для обороны. Они знали, что их не пощадят и оборонялись отчаянно. Но и наши бойцы были ожесточены, поэтому бои были очень тяжелыми.

После того, как Пешт, расположенный на низком берегу Дуная, был очищен от немцев, нужно было занять Буду. Нашу часть построили ночью в месте сбора и объявили приказ командования: через подземные коммуникации, проходящие под Дунаем и уже занятые нами, перейти на противоположный берег Дуная в Буду и штурмом взять Королевский дворец (или замок), расположенный на самой высокой части берега. А также объявили, что первые десять человек, кто ворвется во дворец, станут Героями Советского Союза. Кстати, слово командование сдержало. Когда я был в госпитале, в него приехал представитель командования фронта и объявил нескольким раненым бойцам о присвоении им этого звания за взятие Королевского дворца в Буде. Я был ранен примерно за один-два квартала до дворца при штурме одного из особняков. Мы заняли дом на одной стороне улицы. На другой был этот

особняк, отделенный от тротуара металлической решеткой забора и палисадником. На верхнем этаже особняка засел снайпер. Он пристрелял все пространство перед домом, и проскочить ближе к особняку не удавалось. К тому времени, когда пришел мой черед, перед решеткой уже лежало человек десять наших бойцов. Немцы внимательно следили за подстреленными нашими солдатами. Если кто из них начинал шевелиться, его тут же добивали. Меня спасло то, что я заметил, по какой траектории бежали мои предшественники, и сам стал перебегать по несколько измененному пути. Немец не успел точно прицелиться, и только ранил меня. Я упал и долго лежал неподвижно. В результате была очень большая потеря крови. Позже наши подтащили пушку и выбили немцев.

После перевязок я был направлен на долечивание в госпиталь в город Кечкемет. По дороге в госпиталь произошел оставшийся в памяти эпизод. На переправе через реку у понтонного моста скопилось множество бойцов, автомашины и подводы с грузами и ранеными бойцами, несколько танков. Команда, управлявшая переправой, не справлялась с организацией этого разношерстного потока. И в это время прошел слух, что немецкие танки движутся к переправе на прорыв кольца окружения вокруг Будапешта, чтобы вывести остатки немцев из котла. (Как потом стало известно, Гитлер приказал Гудериану любой ценой прорвать кольцо вокруг Будапешта). Ситуация у моста была близка к критической: могла начаться паника. Но появился посланный, видимо, штабом фронта, генерал с командой автоматчиков охраны. Вид у него был весьма внушительный. Генеральские погоны, высокий рост, громкий резкий голос. Он пробился к одной из подвод у въезда на мост и начал давать команды столпившимся здесь людям. Но его никто не слушал. Даже автоматные очереди в воздух не подействовали. Тогда этот генерал выхватил оглоблю из повозки и начал этим дрынком колотить по головам всех вокруг, чтобы они расступились и освободили проход для машин и танков. В конце концов, ему удалось привести людей в чувство и восстановить порядок на переправе.

Пока я находился в госпитале, война подошла к концу. Вдобавок, начальник госпиталя узнал, что я неплохо рисую, и поручил мне оформить госпиталь. Только поясных портретов

Сталина высотой в человеческий рост я изготовил не меньше десятка. Ясно, что портреты должны были быть качественными. Я перерисовывал их с почтовых открыток. Разлиновывал их на квадраты и так, по квадратам в увеличенном масштабе, переносил на холст.

Госпиталь размещался в длинном корпусе - бывших кавалерийских казармах, оставшихся еще со времен Первой мировой войны от Австро-Венгрии. И вот замполит госпиталя приказал вдоль всего корпуса вывесить лозунг: «Да здравствует генералиссимус товарищ Иосиф Виссарионович Сталин». Для этого дела мне выдали со склада рулон кумача. У меня такой длинный текст плохо размещался, и я его сократил: «Да здравствует генералиссимус тов. И.В. Сталин». Когда замполит увидел уже готовый, но еще не вывешенный лозунг, он пришел в ужас: как я мог исказить текст. «Ты что, хочешь, чтобы у нас с тобой были проблемы?» - кричал он. Текст лозунга был не его отсебятиной, а строго регламентировался политуправлением фронта. «Немедленно сверни рулон, отнеси на задний двор и сожги, пока никто не видел. Возьми на складе новый кумач, солдата в помощь, и чтоб к утру лозунг был готов», - скомандовал он. Пришлось все делать заново. Но обошлось.

В мае, когда война закончилась, мы ждали приказа на демобилизацию. Мой знакомый по госпиталю уговорил меня съездить на три дня в Вену. «Границ нет, документы у нас в порядке, съездим и вернемся, когда еще выпадет такая возможность (как оказалось, никогда)», - уговаривал он, и я согласился. До Вены было несколько часов пути. Так мне довелось увидеть этот красавец-город. В отличие от других столиц, в нем практически не было боев, и город был совершенно целый, не пострадавший от войны. Приятель уговаривал меня скатать таким же образом и в Прагу, но она была довольно далеко, и я не решился на такую долгую «самоволку».

И вот опять роль случая. Пока мы были в Вене, пришел приказ 2-му Украинскому фронту, включая и выздоровевших бойцов из госпиталей, погрузиться в эшелоны и – в Манчжурию, бить японцев. Слава Богу, эта война меня миновала. Начальник госпиталя оставил меня при госпитале. Сказал, что отпустит на демобилизацию, если я оформлю

госпиталь так, что он победит на конкурсе среди госпиталей фронта. К тому времени я получал письма от родных и коллег из института, которые надеялись на мое возвращение к началу учебного года. Я постарался, расписал всю офицерскую столовую березками, изготовил плакаты, лозунги и проч. В итоге госпиталь занял 2-е место, и начальник остался доволен. На прощание премировал, выдал по отрезу шерстяной ткани на костюмы жене и мне. (Пока мои родные были в эвакуации, все наши вещи в общежитии института, где мы жили, разворовали и продали. Жена сшила костюм из этой премиальной ткани и довольно долго после войны в нем ходила. После войны в Москве все это было дефицитом. Мой отрез ткани так и не был использован и до сих пор лежит в чемодане на антресолях. Я около года ходил в институт на занятия в военной форме – в гимнастерке и шинели. Такая была жизнь. Кроме того, я взял со склада госпиталя коробку с великолепными венгерскими акварельными красками на меду. Еще долго, несколько лет я в часы отдыха дома рисовал этими красками любимые пейзажи нашей средней полосы России.

Демобилизовали меня в Одессе, куда собрали много частей, подлежащих расформированию. Многие молодые офицеры, выросшие на войне до высоких чинов, мечтали остаться в армии. У них не было мирных профессий, а офицеры в те годы получали большие оклады и пользовались весьма существенными льготами. Я же, наоборот, торопился домой, в институт, к привычной и любимой работе. Приехал в Москву я к празднику, 6 ноября 1945 года. На этом, можно сказать, война для меня закончилась, хотя по сути, для тех, кто ее прошел, она не закончится никогда, постоянно напоминая разными отголосками в течение всей жизни.

Боевые награды: орден Отечественной войны II-й степени, медаль «За взятие Будапешта», медаль «За победу в Великой Отечественной войне».

Декабрь 2008 года



*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 3-курса факультета машиноведения и управление качеством Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - **Алексеев Андрей Николаевич***